

Аналитическая философско-правовая традиция: особенности юридического языка и концепция Г. Харта

В настоящей работе исследуются философско-правовые воззрения видного представителя аналитической традиции Герберта Харта. Анализируется идейная детерминация хартовских взглядов. Исследованы оригинальные работы и современные труды по проблемам аналитической философии права. Определена актуальность исследования юридического языка и приведена характеристика «аномалии» как неотъемлемого его свойства. Принципы и методы исследования правовой реальности обуславливают необходимость контекстуального изучения правовых систем. Анализ основных принципов и понятий позволяет понять закономерности функционирования правовой системы конкретного общества. Относительно поздних работ мыслителя автор отмечает, что отрицаемая Хартом мораль присутствует как ценность самого права. Также морально-этические нормы, принятые в обществе, являются исходными для формирования собственно правовых норм. В конце работы представлены обобщенные выводы.

Ключевые слова: аналитическая философия; философия права; Г. Харт; юридический язык; общество; мораль; идеи; нормы права; социальные регуляторы; язык; юридические термины.

В философии права существует множество концепций, так или иначе объясняющих природу сущности права и осуществляющих рефлексию по поводу его происхождения. На современном этапе развития данного направления философских поисков имеет место несколько распространенных подходов к пониманию принципов формирования правовой реальности, а также способов регламентации социальной жизни [4; 9; 10]. Одной из таковых становится философская концепция права английского интеллектуала Г. Харта [7; 15; 20; 21]. Характерной чертой подхода этого мыслителя к пониманию сущности правовой реальности является обращение к методологическим основаниям лингвистической философии, в частности – аналитической традиции [24; 25]. Тем не менее, формулируя собственные взгляды, Харт разделяет не только основные положения классиков философско-лингвистического анализа (И. Берлин, Л. Витгенштейн, Г. Райл, Дж. Л. Остин): «понимание философии, методы исследования, трактовку языка и его значения, доктрину о способах употребления и речевых функциях, проект “лингвистической феноменологии”» [6], но и, частично, – представителей направления логико-философского анализа (А. Айер, Р. Карнап, Б. Рассел, М. Шлик) [24; 25]. Суть обозначенных методологических основ состоит в обращенности их приверженцев к проблеме языка.

Аналитическая философская традиция задает новые императивы, указывающие на необходимость переформулирования философских проблем как вопросов словоупотребления, интерпретации языка как реальной речевой практики, как манифестации социального мира. Язык выступает не только средством передачи, но и механизмом познания через фиксацию-в-себе опыта человечества и его мыслительной деятельности [22]. Юридический язык, составляющий одно из направлений исследований Харта, является продуктом развития естественного языка [5].

---

* **Никита Николаевич Равочкин**, канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт» (г. Кемерово).

E-mail: nickravochkin@mai.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1247-8231>

С позиции междисциплинарности юридический язык представляется как динамично развивающаяся система, в которой отражаются происходящие во всех сферах общественной жизни изменения. Практическая связь данного языка со всеми областями общественной жизни и комбинации с языками других областей обуславливают обращение к осмыслению правовой реальности [16]. В аналитической философской традиции предполагается, что правовая реальность имеет свойства как дескриптивности, так и аскриптивности [12]. Как показывает анализ корпуса работ, сущностно эти два свойства противоположны [11; 16]. Наиболее удачно, на наш взгляд, репрезентирует данную проблему томский философ права В. В. Оглезнев: «В юридическом языке имеет место серьезное противоречие между дескриптивными высказываниями, с одной стороны, основная функция которых заключается в описании неких фактов совершения действия подтверждаемых наблюдаемыми проявлениями, и разъясняющими право аскриптивными высказываниями, с другой стороны» [11].

В итоге такое положение дел позволяет указать на так называемые «аномалии юридического языка», требующие выработки адекватных им техник объяснения. Согласно С. Н. Касаткину, для Г. Харта очевидно, что «правовые понятия и утверждения имеют аскриптивную, нормативно-институциональную природу (значение и функцию), а основания их употребления открыты и разнородны – в их отношении неприменимы традиционная модель эмпирического языка и «закрытые» логические дефиниции. Отсюда вводимый автором метод «философского определения» предполагает анализ правовых терминов, в составе характерных утверждений с выявлением условий их истинности и особой речевой функции» [7, с. 43]. Сущность выявленной Хартом проблемы состоит в следующем. Во-первых, правовая реальность имеет предписывающее значение и является своего рода социальным институтом, определяющим принципы и правила поведения человек в социальной среде. Во-вторых, такое понимание правовой реальности на практике не позволяет осуществлять эффективную регламентацию поведения индивидов.

Применение аскриптивной природы правовой реальности на практике, с точки зрения Г. Харта, становится возможным только при наличии определенных условий применения составляющих основу юридического языка специальных терминов на практике в социальной реальности. При этом критерием истинности использования юридических терминов, правил и принципов будет являться факт правильности их применения в конкретной социальной ситуации. С одной стороны, это позволяет определить универсальные принципы используемой в конкретной ситуации юридической теории, с другой – согласовывать теоретические конструкции с правоприменением [25]. Философско-правовая концепция Г. Харта раскрывает суть ряда проблем, исследуемых философами продолжительное время. Напомним, что в рамках традиции, к которой привержен данный мыслитель, язык понимается как совокупность инструментов, используемых для достижения различных целей. Так, он указывает, что в первую очередь возникшие проблемы имеют «языковую детерминацию», а если говорить конкретнее – они обусловлены лингвистическими единицами. При этом Харт делает акцент на их принципиально неправильном понимании и употреблении [13]. Именно по этой причине тщательный анализ словоупотребления позволит разрешить и, в конечном счете, устранить подобные затруднения при создании более надежного базиса для дальнейших философских исследований. Применение такого метода философствования при анализе правовой реальности побуждает активизировать потенциал языка в юридической практике, в частности – при формировании таких норм права, которые обеспечили бы эффективность правоприменительной практики.

Одновременно следует отметить еще один важный хартовский тезис о приоритетности анализа обыденного языка, который оказывается сопряженным с ис-

толкованием языка как продолжения общества. Язык становится формой жизни, способом реализации социальной и онтологической ткани, что, в конечном счете, способствует постижению как мира, так и общества [15; 24]. Исходя из анализа принципов, лежащих в основе построения Хартом его философско-правовой доктрины, следует обратить внимание на следующее. Ученый формирует подход, который в корне отличается от традиционных юридико-аналитических подходов и ведет к складыванию нового языка права. Для Г. Харта принципиальным оказывается необходимость отталкиваться от имеющихся дискурсивных практик, т. е. от реализуемых в конкретном социуме практик правоприменения. Его концепция «нацелена на охват их множественности, разнородности, неопределенности и т. п., на экспликацию содержащихся в них смысловых связей и разграничений, на восприятие последних как своеобразной точки отсчета и критерия проверки теоретических утверждений» [7, с. 49].

С точки зрения Г. Харта, юридический язык представляет собой способ отражения социального бытия, подверженного влиянию жизненного опыта предшествующих поколений. Язык для него есть средство, при помощи которого достигается существенно лучшее понимание мира, в котором и относительно которого мы используем различные виды словоупотребления [6; 10; 15; 24].

Обратимся к уже упомянутому хартовскому понятию «аномалия» как специфической черте юридического языка. Содержание данного понятия сводится мыслителем к тому, что в юридическом языке существуют определенные моменты, которые не укладываются в логико-дескриптивную философию языка и соответствующие методы определения. Это означает, что в области анализируемой прикладной языковой реальности существуют моменты, неподвластные описательному методу постижению языка и, как следствие – социальной реальности.

В первую очередь, к таким «аномалиям» Г. Харт относит нормативно-институциональную, аскриптивную природу юридического дискурса. Ее суть заключается в том, что юридический язык предполагает предписательное основание собственного существования. В отличие от обыденного, естественного, языка, она определяет принципы существования социального субъекта, будь то отдельный конкретный человек, социальная группа или все общество [13]. Юридический язык требует определенного поведения от участников социального процесса, в отличие от естественного языка, который дает в первую очередь возможность выполнения дескриптивной – описательной функции. Более того, в содержании юридического языка имеются так называемые «социальные понятия», не имеющие прямых эмпирических, или «фактуальных», референтов. Содержание или, иначе говоря, значение юридических понятий «определяется сугубо нормативно-институциональным речевым контекстом, существующей практикой их употребления в сообществе» [7, с. 50]. Для Харта юридический язык состоит из терминов, являющихся по своей сути аскрипциями – действиями с помощью правил или производства нормативного вывода. С точки зрения английского философа, это способствует повышению эффективности регламентации отношений между всеми социальными субъектами. Более того, это позволяет осуществить нормативную квалификацию каждого конкретного случая социального взаимодействия.

На основе анализа, проведенного выше, проясняется хартовское видение юридического языка как разновидности дискурса, который связан с провозглашением и применением правил. Это проявляется в некоторой существующей совокупности суждений, являющихся своего рода внутренними содержательными утверждениями субъекта дискурса как конкретного участника правовой реальности. Такие суждения формируют основания производных суждений о нормах права или обо всей правовой системе, или, иначе говоря, – для так называемых внешних утверждений, дискурса «наблюдателя» [7]. По своей сути такой юридический

дискурс является открытым [14] и неунифицированным, что делает возможным его трансформацию и формирование в соответствии с культурными, социальными, историческими и прочими реалиями.

Существенным для Харта оказывается тот факт, что использование фундаментальных юридических терминов не укладывается в традиционные формально-логические законы, поскольку основания юридического языка совершенно разнородны и принципиально могут быть объединены с помощью многообразия смысловых связей. В одной из работ Харта мы находим тезис, поясняющий несовершенство традиционных формально-логических законов. По его мнению, в языке, в том числе, отражена природа моральных ценностей, пронизывающих множественные отношения, в которые вступают люди – и поэтому их невозможно свести к фактам, фиксирующим ту или иную информацию о мире [26]. С точки зрения Г. Харта, в юридическом языке вполне допустимы ситуации неопределенности и возможности обновления смысла терминов. Именно по этой причине основу юридического дискурса составляет герменевтический метод, истолковывающий социальную среду, которая впоследствии становится предметом каждого ситуативного понимания.

В качестве принципов сформулированной Хартом методологии объяснения юридических понятий С. Н. Касаткин относит следующие [7]:

- обращение к основаниям применения термина в речевой практике. Суть данного принципа состоит в том, что использование того или иного юридического термина предполагает обоснование причин, по которым он используется. В качестве аргументов могут быть «даны ссылки» к культурной, социальной и иной контекстуальной ситуации. Кроме того, данный принцип является альтернативой поиска фактологических референтов теоретическим выкладкам, что позволяет нивелировать противостояние теории и практики в правоприменении;

- обращение акцента на речевую функцию используемых терминов, которую они выполняют в юридическом языке наряду со значением, и объединение в таком анализе семантических и прагматических аспектов. Этот принцип позволяет преодолеть редуцирование множества речевых функций к описанию и объединить множество значений терминов в общую понятийную систему;

- необходимость фиксирования сложности и открытости словоупотребления, что позволяет определить и ввести в публичный оборот множество оснований и способов применения термина, а также указать на его неопределенность в пограничных случаях. На основании данного принципа формируется в целом гомогенный язык, позволяющий избежать несовершенства естественного языка [7].

В результате Г. Харт формирует два вида определений, первый из которых – это «классическое определение», представляющее собой «универсальный синоним определяемого слова, логическую формулу необходимых и достаточных условий его применения» [7, с. 50]. К другому виду относятся так называемые «технические определения», суть которых заключается в описании конкретных фактов социальной действительности. Отсюда видна отмечаемая Хартом значимость единства понимания социальных правил и нормативного применения языка как неотъемлемых составляющих общественной жизни.

Таким образом, согласно нашему пониманию хартовских идей о языке права, юридическая терминология должна рассматриваться не изолированно, а в составе целостных высказываний, образующих наиболее характерные случаи ее употребления в исследуемой практике определенной правовой системы. Принципиальную важность приобретает контекст употребления юридических терминов, отражающий их исключительное сущностное содержание. Содержание понятия при этом возможно объяснить через установление условий истинности, формируемых

с учетом правил производства и использования юридического вывода в каждой конкретной ситуации.

Отсюда следует, что юридическая нормативность, базирующаяся на точном контекстуальном смысле, предполагает формирование системы конвенций, которые в значительной степени определяют нормативную ситуацию, сформированную в социальной среде [1; 2; 8]. Слова и конвенции при этом формируют в результате именно нормативное основание любого общества [8]. Необходимо указать, что обязательным свойством права Г. Харт считает «обязывающий характер норм, которые правом предписываются. Разночтения, ведущие к ошибкам и затемнениям сущности права, возникают из-за того, что обязывающей характер описывается через разные формы социальных императивов, которые могут неточно отражать сущность права» [3]. При этом существует определенная связь между правовыми нормами и другими социальными регуляторами, в частности – обычаями, традициями, моралью, корпоративными правилами, в равной степени как иными способами регламентации человеческого поведения.

В отличие от иных форм регламентации человеческого поведения, праву, как точно отмечает в своих работах Г. Харт, наиболее полно соответствует идея обязательства в рамках конкретных социальных правил. Рассматривая хартовскую позицию относительно иных форм долженствования, М. Д. Горбунов заключает, что они не способны воспроизводить принципиальные свойства правовой системы в достаточной степени. Так, раскрывая сущность обязательства по Харту, он указывает, что социальные правила:

- «1) обеспечены существенным социальным давлением в случае их нарушения;
- 2) необходимы для поддержания нормальной социальной жизни или наиболее важных ее аспектов;
- 3) предполагают, что предписываемые ими действия совершаются во благо других, но не всегда в интересах обязанного лица» [3, с. 260].

Подчеркнем, что анализируемая в концепции английского мыслителя «идея обязательства» становится основанием для действия исходных поведенческих норм, из которых лишь в дальнейшем кристаллизуются начала правовых норм. Здесь важно пояснить следующее: Харт указывает, что функционирование в обществе тех или иных поведенческих регуляторов не обязательно свидетельствует об их однозначно правовом характере. Это говорит лишь о том, что в обществе существуют так называемые «первичные правила» как обязательства, ограничивающие насилие и произвол, а также налагающие позитивные обязанности в интересах общества. Данные правила имеют три дефекта, к которым относятся неопределенность, статичность и неэффективность [20]. Преодоление этих свойств первичных правил и их регламентация на официальном уровне приводят, по мнению Г. Харта, к становлению правовой системы в обществе, что формирует «вторичные правила» в виде системы правовой реальности.

Анализ поздних работ, репрезентирующих концепцию Харта, позволяет определить его критическое отношение к судебной системе. Главным образом, в качестве негативной в модальном плане характеристики отмечается ее излишний формализм. Речь идет о том, что в достаточно спорных ситуациях судебная система ориентируется на правила, которые часто исключают возможность принятия решения, которое имеет под собой моральные основания. Так, Харт пишет, что это происходит «при формулировании теоретических и моральных проблем, поднимаемых в связи с существованием отдельных законов, которые были с моральной точки зрения чудовищно несправедливыми, но были приняты в должном виде, ясны по значению и удовлетворяли всем признанным критериям действительности в правовой системе» [20, с. 209].

В соответствии с этим справедливо утверждение, что в правовой концепции Харта не учитывается моральная составляющая права [17]. Вместе с тем Г. Харт не исключает возможностей присутствия в правовой реальности морально-этических норм, признавая возможность такой регламентации правил поведения, основа реализации которой заключена не только лишь в правовых нормах. По этому поводу приведем тезис Н. И. Яблоковой: «Отрицая моральное содержание норм права, Харт, тем не менее, допускает моральную ценность самой формы права, ведущей к стабильности в обществе» [23]. Моральные теории и принципы необходимы хотя бы по той причине, что, помимо обыденного обеспечения выживания людей, они способны быть «решателями проблем» [18]. В качестве дополнительного аргумента приведем суждение С. Р. Решетняка о том, что «они являются обязательными и общепризнанными не в силу чьего-либо веления или же “дара свыше”, а в силу осознания и признания их важности» [17, с. 86]. Важность определяется рядом факторов: человеческой уязвимостью, приблизительным равенством людей, ограниченностью человеческого альтруизма, ресурсов, а также недооценкой силы воли.

В концепции Г. Харта как правовые, так и нравственные нормы выполняют функции правила как нарратива, поскольку предстают «не только одной из многих форм социальной жизни или одним из многих видов текстов, а имплицитным или явным условием конституирования любой такой формы» [19]. Правомерное поведение индивидов и неукоснительное соблюдение ими правил гарантируется тем, что в конкретных социальных регуляторах заложены определенные механизмы принуждения.

Подведем некоторые итоги исследования. Для Г. Харта право имеет аскриптивную природу, выражающую определенные нормирующие свойства, с помощью которых определяется уровень регламентации социального поведения человека. Постигание сущности права и формирование эффективного правоприменения делают необходимым учет контекста, в котором реализуются основные принципы правовой реальности. Именно в рамках контекстуальности осуществляется формирование основных принципов и понятий правовой системы конкретного общества. Стоит отметить, что анализ основных юридических терминов способствует созданию принципиальных основ системы права. Анализ особенностей юридического языка в хартовской концепции позволяет нам указать на особенность и своеобразие способов словоупотребления, а в будущем способствовать новой интерпретации языка права. Юридический язык и его термины, «обслуживающие» не только правовую, но и, посредством интертекстуальности, остальные сферы общественной жизни, представляют своего рода познавательные возможности, отражающие характерные черты конкретных процессов социального управления. Следует отметить и критику Хартом правовой системы за излишний формализм. Отсюда – очевидность необходимости включения моральной составляющей как одного из существенных оснований регламентации человеческого поведения. Тем не менее, несмотря на некоторую тождественность морально-этических и правовых норм в части выполнения ими принудительных функций, Харт указывает на доминантный характер последних, поскольку нормы морали – это основание, первый шаг к правовым нормам.

Литература

1. Варламова Н. В. Нормативность права: проблемы интерпретации // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 4. – С. 76–116.
2. Воробьева М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании: на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2014. – 164 с.
3. Горбунов М. Д. Право как система первичных и вторичных правил в концепции Герберта Харта // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23, № 1. – С. 259–263.
4. Дидикин А. Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. – Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2016. – 244 с.
5. Елистратова В. В. Современный юридический язык: взаимосвязь языка и права // Язык и мир изучаемого языка. – 2016. – № 7. – С. 16–19.
6. Касаткин С. Н. Концепция юридического языка Герберта Харта: опыт реконструкции // Философия права. – 2016. – № 5 (78). – С. 77–83.
7. Касаткин С. Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта: методология и проблематизация // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 43–71.
8. Касаткин С. Н. Приписывание прав и ответственности в концепции Герберта Л. А. Харта // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия : Юридические науки. – 2010. – № 3. – С. 83–89.
9. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия права: юридический язык как предмет исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2015. – № 5 (322). – С. 178–193.
10. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. – 236 с.
11. Оглезнев В. В. Аскрипции и дескрипции в аналитической философии права // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. – 2016. – С. 7–9.
12. Оглезнев В. В. Дескриптивный и аскриптивный подходы к объяснению действия // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2016. – Т. 10, № 2. – С. 471–482.
13. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Определение в аналитической философии права: П. Хакер versus Г. Харт // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 421. – С. 36–40.
14. Оглезнев В. В. «Открытая текстура» юридического языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 2 (34). – С. 237–244.
15. Оглезнев В. В. Теория юридического языка в философии права Г. Харта : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03. – Томский государственный университет. – Томск, 2012. – 257 с.
16. Оглезнев В. В. Юридический язык и аналитическая философия права // Философия права. – 2014. – № 3 (64). – С. 7–10.
17. Решетняк С. Р. Моральный контекст в концепции права Г. Л. А. Харта: опыт анализа // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 5. – С. 84–88.
18. Сыров В. Н., Тарабанов Н. А. Обычная мораль и прикладная этика: есть ли принципиальная разница // Идеи и идеалы. – 2014. – Т. 1, № 1 (19). – С. 53–65.
19. Сыров В. Н. Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу. – Статья в открытом архиве № 80 (07.10.2012).
20. Харт Г. Л. А. Понятие права. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – 302 с.
21. Харт Г. Л. А. Философия и язык права. – М. : Канон+, 2017. – 384 с.
22. Шепелев. Юридический язык как явление правовой жизни // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2015. – № 8 (148). – С. 65–70.

23. Яблокова Н. И. Социально-философские идеи в работах Г. Л. А. Харта // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 8. – С. 430–432.

24. Hart H. L. A. *Essays in jurisprudence and philosophy*. – Published by Oxford University Press. – 1983. – 397 p.

25. Hart H. *The Concept of Law*. – Oxford University Press, 1994. – 315 p.

26. Hart H. L. A. Scandinavian realism // *The Cambridge Law Journal*. – 1959. – Vol. 7, Issue 2. – Pp. 233–240.

Nikita Nikolaevich Ravochnik,

Candidate of Philosophical Sciences (PhD in philosophy),
Associate Professor of Law and Humanitarian Disciplines Department,
Kemerovo State Agricultural Institute (Kemerovo, Russia)

**Analytical Philosophical and Legal Tradition: Legal Language Features
and H. Hart's Concept**

In this work analytical tradition prominent representative Herbert Hart's philosophical and legal views are explored. An appeal is being made to the ideological determination of Hart's views. Original works and modern researches on analytical philosophy law problems are investigated. Legal language study urgency is determined. «Anomaly» as an integral property law's characteristic is given. The study of principles and methods of investigating legal reality points to the need for a contextual study of legal systems research. Comprehension of the basic principles and concepts allows us to establish the patterns of functioning of the legal system of a particular society. With regard to the late works of the thinker, the author notes that Hart's negative morality is present as the value of the law itself. Also, the moral and ethical standards that function in society are the starting points for the formation of proper legal norms. In conclusion of the paper, generalized conclusions are presented.

Key words: analytical philosophy; philosophy of law; H. Hart; legal language; society; morality; ideas; rules of law; social regulators; language; legal terms.